

Земсков В. Н.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ И УЖЕСТОЧЕНИЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Война потребовала временного отказа от принятых в мирное время форм пополнения общественного производства рабочей силой. Методы мирного времени (оргнабор по договорам с колхозами, набор непосредственно предприятиями) не могли в условиях войны обеспечить необходимого привлечения трудовых ресурсов. Необходимо было в целях непрерывного увеличения производства, наращивания мощностей военной экономики прибегнуть к таким формам использования трудовых ресурсов которые определялись специфическими условиями войны. Серьезной формой мобилизации рабочей силы было создание строительных батальонов и рабочих колонн из военнообязанных, временно или постоянно не подлежащих призыву в армию. Мобилизация рабочей силы для сельского хозяйства осуществлялась отделами мобилизации при СНК союзных и автономных республик, областными, краевыми управлениями. В ряде автономных республик, краев и областей продолжали существовать комиссии по оргнабору рабочей силы, а также отделы хозяйственного устройства эвакуированного населения. Получалось так, что одну и ту же функцию выполняли различные отделы. Это осложняло работу по учету, распределению и рациональному использованию трудовых ресурсов. Мобилизация рабочей силы ставила перед собой следующие задачи:– максимальное и наиболее эффективное использование имеющихся кадров, их перераспределение в пользу военного производства и тяжелой индустрии;– введение обязательных сверхурочных работ на предприятиях и отмена очередных и дополнительных отпусков;– мобилизация и закрепление рабочих и служащих для постоянной работы на предприятиях военной и кооперированной с ней промышленности на всё время войны;– мобилизация не занятого в общественном производстве трудоспособного городского и сельского населения для работы в промышленности, строительстве, на транспорте;– введение всеобщей трудовой повинности, обеспечивающей привлечение на обслуживание нужд войны всего трудоспособного населения страны;– закрепление необходимых кадров квалифицированных рабочих, специалистов, руководящего состава в важнейших отраслях промышленности, обслуживающих нужды фронта, через бронирование, т. е. освобождение от призыва в армию на определенные сроки;– развертывание массовой подготовки новых рабочих, повышение их квалификации непосредственно на производстве, в школах и училищах трудовых резервов, подготовка специалистов в вузах; организация труда и заработной платы с учетом специфических условий военного времени;– всемерная поддержка и развитие творческой инициативы, соревнования за повышение производительности труда, за экономию рабочего времени и выполнение заданий с меньшим числом рабочих.

Ключевые слова: международные отношения, политика, трудовые ресурсы, Великая отечественная война, СССР, мобилизация, законодательство, советский народ, военнообязанные, трудовой фронт.

Состояние военной экономики и конкретные народнохозяйственные задачи оказывали влияние на использование и применение тех или иных форм и методов. Основным методом привлечения рабочей силы в промышленность, строительство и на транспорт в военных условиях стала мобилизация трудоспособного населения, не занятого в общественном производстве. Это было вынужденной, но необходимой мерой. Вместе с тем продолжали использоваться и метод организованного набора самими предприятиями, и добровольный приход

на работу в промышленность, на стройки новых пополнений из различных групп населения. В первые три года войны их удельный вес был невысок, но заметно стал расти со второй половины 1944 г.¹

В соответствии с задачами военного времени была произведена перестройка государственного аппарата, осуществлявшего распределение трудовых ресурсов страны. 30 июня 1941 г. при Бюро СНК СССР был создан Комитет по распределению рабочей

¹ Там же. С. 351.

силы. В него вошли представители СНК СССР, Госплана СССР, НКВД СССР и Главного управления трудовых резервов. Первоочередной задачей Комитета было распределение рабочей силы в пользу оборонных нужд. Комитет возглавил член Центральной ревизионной комиссии ВКП (б) П. Г. Москатов, одновременно выполнявший обязанность начальника Главного управления трудовых резервов при СНК СССР. При Комитете были созданы отделы по учету и мобилизации, распределению рабочей силы, перевозкам и др. Комитет вел учет всего неработающего городского и сельского трудоспособного населения, выявлял кадры квалифицированных рабочих, занятых в непромышленных отраслях, составлял планы мобилизации трудоспособного населения, учитывая заявки наркоматов и предприятий на рабочую силу. В ходе практической деятельности функции Комитета уточнялись и расширялись. С февраля 1942 г. он стал именоваться Комитетом по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР. Однако до осени 1942 г. наряду с Комитетом и его органами на местах, проводившими учет и распределение главным образом городского населения, имелись и другие органы.

ГКО, СНК СССР, Комитет по учету и распределению рабочей силы с июля 1941 по январь 1942 гг. провели огромную работу по распределению кадров в связи с эвакуацией, по переводу значительного числа рабочих и служащих с предприятий текстильной, местной промышленности, предприятий общественного питания, коммунального хозяйства, промкооперации и по мобилизации незанятого городского, сельского и эвакуированного населения. На предприятия военной промышленности, в отрасли тяжелой индустрии, на ударные стройки и транспорт во второй половине 1941 г. было направлено 120 850 человек, в том числе 36,7 тыс. квалифицированных рабочих¹.

Кроме того, на предприятия угольной, нефтяной, металлургической и военной промышленности, на стройки и транспорт в июле–декабре 1941 г. были направлены из числа военнообязанных (непригодных к строевой службе) строительные батальоны и рабочие колонны общей численностью более 700 тыс. человек². Одновременно в школы и училища трудовых резервов мобилизовывались кадры молодежи.

С учетом опыта его деятельности функции Комитета по учету и распределению рабочей силы

при СНК СССР расширялись. С конца 1942 г. на него возлагались учет и распределение как городского, так и сельского неработающего трудоспособного населения. Он разрабатывал планы мобилизации на основе планов по труду и заявок; проводил совместно с наркоматами республик и местными Советами мобилизации городского и сельского населения и привлечение населения к трудовой повинности; осуществлял задания ГКО и СНК СССР по перераспределению рабочей силы между отраслями народного хозяйства; рассматривал все заявки наркоматов и других ведомств и органов на рабочую силу. Председателем Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР в конце 1942 г. был назначен член Оргбюро ЦК ВКП (б) Н. М. Шверник. Главное управление трудовых резервов при СНК СССР во главе с П. Г. Москатовым сосредоточило усилия на улучшении подготовки квалифицированных кадров³.

В 1941–1942 гг. органы Комитета по учету и распределению рабочей силы развернули активную деятельность в центральных и восточных районах СССР, а с 1943 г. и позднее и в освобожденных районах РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, советских республик Прибалтики. К середине 1944 г. действовало 148 республиканских и областных и 279 городских и районных (в городах) бюро по учету и распределению рабочей силы вместо 156 городских бюро в феврале 1942 г.⁴

В Госплане СССР отделы по учету, планированию, распределению, подготовке кадров возглавляли опытные специалисты — Б. П. Мирошниченко, М. Я. Сонин, Н. С. Заливакин и др. В июле 1944 г. эти отделы Госплана были объединены в Управление учета и распределения рабочей силы⁵.

С самого начала войны сотни тысяч людей (женщины, подростки, пенсионеры и др.) добровольно поступали на производство взамен ушедших на фронт квалифицированных рабочих. «Станки наших отцов, мужей, братьев не должны стоять ни часу!» — этот призыв звучал повсюду. Так, в своем обращении через заводскую многотиражку женщины — служащие Московского станкостроительного завода писали: «Интересы нашей Родины сейчас требуют от нас, женщин — работников отделов заводууправления, возвратиться к своим станкам, специальностям, заменить ушедших на фронт мужей, отцов, братьев и сыновей непосредственно

¹ Тельпуховский В. Б. Обеспечение промышленности рабочими кадрами в первый период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1958. № 11. С. 35.

² Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1970. С. 110–111.

³ ИСРК. Т. 3. С. 351.

⁴ Там же.

⁵ Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 426.

у станка. Станки должны работать, и они будут работать, управляемые нами»¹.

На производство пришло около 500 тыс. домохозяйек. Во многих отраслях промышленности женщины стали решающей силой, показывая образцы высокопроизводительного труда. В промышленности их удельный вес увеличился с 41% в 1940 г. до 52,9% в 1944 г., в строительстве соответственно с 23 до 36%, на транспорте и в учреждениях связи — с 24 до 45%. Значительно возросла доля женского труда среди квалифицированных рабочих. Удельный вес женщин среди машинистов паровых машин увеличился с 6% в начале 1941 г. до 33% в конце 1942 г., машинистов компрессоров — с 27 до 44%, кочегаров паровых котлов — с 6 до 27, токарей по металлу — с 16 до 33, сварщиков металла — с 17 до 31, слесарей — с 3,9 до 12, шоферов — с 3,5 до 19, грузчиков — с 17 до 40%².

Лозунг «Все для фронта, все для победы над врагом!» был с энтузиазмом воспринят молодежью. Только в июне-июле 1941 г. на производство пришло 150 тыс. студентов³, во втором полугодии 1941 г.— 360 тыс. учащихся 8–10 классов, а к концу 1942 г. численность рабочих и служащих в возрасте до 18 лет достигла 15% против 6% в 1939 г.⁴ В письме землякам-уральцам на фронт молодая работница одного из заводов Молотова (Перми) сообщила о том, как трудились за станками 14–15-летние подростки: «В 6 часов утра поднимаются они с постели и, запахнувшись в отцовский ватник, спешат — и в трескучий мороз, и в страшную вьюгу, по колено утопая в снегу, в дождь и осеннюю грязь — на далекий завод, чтобы стать у самого сложного станка. Глядя на него, трудно поверить, что ему 14–15 лет. Он подставляет два ящика, чтобы дотянуться до шпинделя станка; всем телом налегает на рукоятку, чтобы переключить скорость. Но видели бы вы, как он работает! Всем своим существом он как бы сливается с машиной и обгоняет ее. Он устает, очень устает. Но видел ли кто-нибудь его слезы? И он не может работать тише: ведь его снарядами брат и отец громят врага. Это не героика, это будни нашего тыла»⁵.

Новые пополнения рабочей силы прибывали на предприятия тыловых и освобожденных районов

также по призывам и мобилизации ЦК ВЛКСМ и местных комсомольских организаций⁶.

К станкам добровольно возвращались и ушедшие на пенсию представители старой рабочей гвардии. К концу 1942 г. удельный вес рабочих и служащих в возрасте свыше 50 лет возрос до 12% против 9% в 1940 г. Пенсионеры возвращались на производство, движимые патриотическими побуждениями. Так, в первый день войны на один из заводов в Ростове-на-Дону пришли 20 квалифицированных рабочих-пенсионеров, которые заявили: «Мы дрались с немецкими оккупантами в 1918 г. В минуты грозной опасности для нашей Родины мы не можем оставаться в стороне. Мы снова займем места у агрегатов, чтобы ковать победы нашей родной Красной Армии, авиации и Военно-Морского флота»⁷.

Однако в связи с уходом многих рабочих в действующую армию, развертыванием промышленности восточных районов, восстановлением в тылу эвакуированных предприятий ощущалась острая нужда в кадрах. Так, дополнительная потребность в рабочей силе эвакуированных предприятий в начале 1942 г. составляла около 500 тыс. человек⁸.

Добровольный приход на производство сотен тысяч граждан сыграл большую роль в обеспечении промышленности, строительства, транспорта рабочими кадрами в труднейших условиях первых месяцев войны. Но это, конечно, далеко не решало до конца проблему трудовых ресурсов. Советскому государству пришлось прибегнуть к целой системе экономических и административных мер.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» вводились обязательные сверхурочные: рабочий день для взрослых устанавливался до 11 часов при 6-дневной рабочей неделе, а отпуска отменялись. Увеличение продолжительности рабочего дня и отмена очередных отпусков позволили в первые месяцы войны дополнительно загрузить производственные мощности примерно на одну треть⁹.

13 февраля 1942 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»,

¹ Большевик станкозавода (многотиража). 1941. 3 июля.

² Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 111.

³ ВЛКСМ в цифрах и фактах. М., 1949. С. 53.

⁴ Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. С. 26.

⁵ Война и общество. 1941–1945. М., 2004. Кн. 2. С. 12.

⁶ ИСРК. Т. 3. С. 354.

⁷ Труд. 1941. 3 июля.

⁸ Тельпуховский В. Б. Обеспечение промышленности рабочими кадрами в первый период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1958. № 11. С. 35.

⁹ Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. С. 13.

Таблица 1.

Число мобилизованных Комитетом по учету и распределению рабочей силы в 1942–1945 гг. (тыс. чел.)*

	На постоянную работу в промышленность, строительство, транспорт	В школы ФЗО и РУ	На сезонные работы	Всего
Всего за 1942–1945 гг., в том числе:	3010,4	2121,4	6751,2	11883,0
1942 г.	733,9	826,0	1395,6	3955,5
1943 г.	890,7	770,6	2039,1	3700,4
1944 г.	1113,3	499,8	2227,2	3840,3
1945 г. (январь — июль)	272,5	25,0	1089,3	1386,8

* Тельпуховский Б.С. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945: Краткий очерк. М., 1959. С. 499–500; Тельпуховский В.Б. Изменения в составе промышленных рабочих СССР в период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1960. № 6. С. 34; Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 428; История советского рабочего класса. М., 1984. Т. 3. С. 354.

в котором указывалось: «Признать необходимым на период военного времени мобилизацию трудоспособного городского населения для работы по месту жительства на производстве и строительстве, в первую очередь в авиационной и танковой промышленности, промышленности вооружения и боеприпасов, в металлургической, химической и топливной промышленности»¹. Мобилизация распространялась на трудоспособное городское население: мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет (из числа не работающих в государственных учреждениях и на предприятиях). От мобилизации освобождались лица мужского и женского пола в возрасте от 16 до 18 лет, подлежащие призыву в школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища, и женщины, имеющие детей в возрасте до восьми лет, если они не имели других членов семьи, которые могли обеспечить уход за детьми, а также учащиеся высших и средних учебных заведений. Согласно Указу от 13 февраля 1942 г., лица, уклоняющиеся от мобилизации для работы на производстве и строительстве, подлежали судебной ответственности².

В соответствии с этим Указом СНК СССР определял порядок мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и в строительстве³.

¹ Правда. 1942. 14 февр.

² Там же.

³ Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Отечественной войны. 22 июня 1941 г.— 5 января 1944 г. М., 1944. С. 8–12; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 64.

Указ от 13 февраля 1942 г. в условиях чрезвычайной военной обстановки имел большое политическое и народнохозяйственное значение. Его реализация позволяла государству максимально использовать трудовые ресурсы, поднять уровень выпуска военной продукции уже в первой половине 1942 г. и обеспечить возрастающие потребности военной экономики в рабочих кадрах в последующие годы.

В период с начала 1942 г. до июля 1945 г. Комитетом по учету и распределению рабочей силы было мобилизовано почти 12 млн. человек (см. табл. 1), из них свыше 3 млн. на постоянную работу на предприятия, стройки и транспорт, более 2,1 млн.— в трудовые резервы и более 6,7 млн.— на сезонные работы.

Пополнение новыми кадрами шло как за счет внутренних трудовых ресурсов областей, так и за счет перемещения мобилизованных из одних областей в другие. Происходило территориальное перераспределение рабочей силы. Удельный вес новых пополнений, прибывших в промышленность в порядке перемещения мобилизованных из одних областей в другие (внеобластная мобилизация), был довольно высоким на Урале, в Кузбассе, Московской области, на освобожденной территории — в Сталинграде, Ростове-на-Дону и др.⁴

В ходе войны резко возросло значение такого источника, как перераспределение рабочей силы.

⁴ Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. С. 428–432; Сенявский С. Л., Тельпуховский В.Б. Рабочий класс СССР. 1938–1965 гг. М., 1971. С. 101–103, 111–114.

При сократившихся трудовых ресурсах необходимо было умело не только мобилизовать, но и организовано и рационально перераспределить наличные кадры и имеющиеся резервы между военной и экономической сферами, а также между отраслями народного хозяйства, внутри каждой отрасли и между экономическими районами. Наиболее крупное по масштабам перераспределение рабочей силы происходило между сельским хозяйством и индустрией. Сельское хозяйство выделяло для постоянной работы в промышленность, строительство, на транспорт большое число трудоспособных. Село давало городу главным образом **постоянную** рабочую силу, а взамен получало **сезонную**. Такая ситуация получалась при практическом выполнении соответствующих положений постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13 апреля 1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей»¹.

Причем в ходе войны удельный вес сельских жителей в составе мобилизованных для постоянной работы в промышленности, строительстве и на транспорте неуклонно увеличивался, а городских — напротив, уменьшался. Среди мобилизованных в 1942–1944 гг. на постоянную работу на предприятия, стройки и транспорт было 1357,0 тыс. человек городского (49,6%) и 1380,9 тыс. человек сельского населения (50,4%). По годам же эта динамика выглядела так: 1942 г. — 565,9 тыс. горожан и 168,0 тыс. сельских жителей; 1943 г. — соответственно 364,8 тыс. и 525,9 тыс.; 1944 г. — 426,3 тыс. и 687,0 тыс.² Если это перевести в проценты, то в 1942 г. горожане составляли 77,1%, а сельские жители — 22,9%; в 1943 г. — соответственно 41,0 и 59,0%; в 1944 г. — 38,3 и 61,7%.

С осени 1943 г., в связи с эвакуацией, начался отлив части кадров из центральных и восточных районов страны в западные. В дальнейшем масштабы этого отлива неуклонно возрастали. На освобожденной территории развернулся сложный восстановительный процесс. Производственные коллективы там формировались по существу заново³. В момент освобождения в районах России, подвергавшихся вражеской оккупации, число промышленных рабочих составляло только 17% по отношению к довоенному уровню,

на Украине — тоже 17%, а в Белоруссии — всего лишь 6%⁴. Это обстоятельство породило новые проблемы под углом зрения перераспределения рабочей силы между тыловыми и освобожденными районами.

Важное значение имела также подготовка рабочих кадров в системе государственных трудовых резервов, через которую во время войны прошло 2475 тыс. человек. Среди подготовленных в рамках этой системы 42,4% составляли специалисты для металлообрабатывающего производства, 12% — для угольной, нефтяной, металлургической и горнорудной промышленности, 26% — для строительного дела, деревообработки, производства стройматериалов, монтажных и сантехнических работ, 3,6% — для железнодорожного транспорта и 16% — для других отраслей. Уже в процессе овладения производственными профессиями воспитанники трудовых резервов дали полезной продукции для нужд фронта и народного хозяйства на 5 млрд. руб. (в масштабах цен тех лет)⁵.

Положение с рабочими кадрами и вообще с трудовыми ресурсами осложнялось тем, что оккупация врагом западных областей СССР значительно сократила общую численность его населения. К началу 1943 г. она, без учета жителей оккупированных районов, ориентировочно составляла 130 млн⁶ против 194,1 млн. по состоянию на 1 января 1941 г.⁷ При этом число рабочих и служащих за указанные период (с начала 1941 г. до начала 1943 г.) снизилось с 31,2 млн. до 18,4 млн.⁸

В переломном 1943 г. произошел дальнейший рост военной мощи страны. Несмотря на значительное сокращение числа рабочих в народном хозяйстве и уменьшение трудовых ресурсов в стране в первый период войны, в 1943–1945 гг. был обеспечен постоянный прирост производственных кадров. За эти годы количество рабочих и служащих в народном хозяйстве увеличилось на 8,9 млн. человек, в том числе в промышленности на 2,5 млн. В 1945 г. среднегодовая численность рабочих и служащих достигла 27,3 млн. человек⁹.

И все же трудовой баланс страны оставался напряженным. Уже к 1943 г. ресурсы неработающего город-

⁴ Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. С. 56–57.

⁵ Правда. 1945. 3 окт.

⁶ Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. С. 26.

⁷ Народное хозяйство СССР. 1922–1972: Юбилейный стат. ежегодник. М., 1972. С. 9–10.

⁸ Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. С. 11.

⁹ ИСРК. Т. 3. С. 356, 360.

¹ Собрание Постановлений Правительства СССР. 1942. № 4. Ст. 60.

² Тельпуховский В. Б. Изменения в составе промышленных рабочих СССР в период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1960. № 6. С. 34.

³ ИСРК. Т. 3. С. 353.

ского населения страны, в первую очередь в восточных районах, были почти исчерпаны. В сельском хозяйстве сказывалась убыль не только мужской рабочей силы, но и заметно ощущался недостаток женщин и подростков, которые использовались промышленностью, в частности на временных и сезонных работах¹.

К четвертому году войны в кадрах промышленных рабочих произошли серьезные изменения. Накопленный опыт позволил еще шире развернуть борьбу за наиболее полное использование резервов роста производительности труда. Важное значение приобрели резервы организационно-технического характера. В этом плане чрезвычайно ценной была инициатива бригадира фронтовой бригады танкостроителей (г. Челябинск) Е. П. Агаркова, предложившего в 1944 г. организационно слить бригады и участки, что упрощало структуру цехового управления за счет аннулирования промежуточных звеньев, повышало роль мастера, укрепляло руководство низовыми звеньями производства и, что особенно ценно, высвобождало часть квалифицированных рабочих, руководителей и специалистов производства, которых можно было использовать на других важных участках, в том числе и на предприятиях освобожденных районов². В результате высветился важный внутренний резерв решения проблемы кадров. За первые четыре с половиной месяца агарковского движения (до апреля 1945 г.) лишь в танковой промышленности было ликвидировано 115 мелких цехов, 513 производственных участков и более 600 бригад, что высвободило 2297 инженеров, техников и служащих и 3790 квалифицированных рабочих³. Почин Е. П. Агаркова получил также распространение на многих предприятиях авиационной промышленности, заводах вооружения, боеприпасов, черной металлургии, среднего машиностроения и других отраслей⁴. К середине 1945 г. в промышленности СССР в общей сложности удалось высвободить, следуя методу Агаркова, для использования на других участках производства свыше 48 тыс. квалифицированных рабочих, инженеров, техников и служащих⁵.

Учитывая большие изменения в составе индустриальных кадров, в широких масштабах организо-

вывались подготовка новых пополнений и повышение квалификации имеющихся работников, изыскивались наиболее эффективные пути решения этой проблемы. На первом этапе войны, когда рабочие кадры обновлялись быстро, главной задачей было найти такую форму технического обучения, которая давала бы возможность в кратчайший срок овладеть необходимым минимумом знаний и навыков и приступить к выпуску продукции. Такой формой стало индивидуально-бригадное обучение непосредственно на рабочих местах. Мастер одного из томских заводов А. Ф. Елисеев и токарь Уралмашзавода П. К. Спехов подготовили по 30 новых рабочих⁶. Их почин, получивший освещение в печати, подхватили на других предприятиях и стройках. Это был чрезвычайно важный почин, во многом решавший проблему превращения многих тысяч неопытных новичков в квалифицированных рабочих непосредственно на производстве.

Наряду с мобилизацией населения по линии Комитета по учету и распределению рабочей силы, ГКО и СНК СССР определяли конкретные задания Наркомату обороны по привлечению военнообязанных для работы на электростанциях, в угольной, металлургической, машиностроительной промышленности, на новостройках и восстанавливаемых предприятиях, на транспорте⁷. В эти отрасли по линии Наркомата обороны было мобилизовано за время войны 1580 тыс. военнообязанных⁸.

Помимо трудовых мобилизаций, все годы войны не прекращался индивидуальный прием рабочих самими предприятиями, доля которых увеличивается с 1944 г., особенно в освобожденных районах. Со второй половины 1944 г. возобновилось привлечение из колхозов рабочей силы на договорных началах, но основное пополнение продолжало поступать на производство по трудовой мобилизации, по линии НКО и из системы трудовых резервов. С июля 1945 г. поток мобилизованных на заводы, фабрики, шахты и стройки заметно сократился. С этого времени развернулась деятельность самих предприятий по приему на работу городского населения, демобилизованных и репатриированных, а также стала быстро возрастать доля организованного набора по договорам с колхозами⁹. В течение лета и осени

¹ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963. С. 68.

² В труде, как в бою: Из истории комсомольско-молодежных бригад в годы Великой Отечественной войны. М., 1961. С. 52–57.

³ Правда. 1945. 16 апр.

⁴ Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. С. 20.

⁵ ИСРК. Т. 3. С. 253.

⁶ Комсомольская правда. 1941. 14 ноября; Труд. 1942. 28 апр.

⁷ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг.: Сборник документов. М., 1957. Т. 2. С. 752, 808, 809, 820, 821, 825.

⁸ Всемирно-историческая победа советского народа. 1941–1945 гг. М., 1971. С. 443; ИСРК. Т. 3. С. 354–355.

⁹ ИСРК. Т. 3. С. 355.

1945 г. на предприятиях и в учреждениях произошел в основном переход на 8-часовой рабочий день, а рабочим и служащим возвращено право на получение очередных отпусков.

В первые полгода войны продолжали действовать общие для всех рабочих и служащих страны меры наказания за самовольный уход с работы (от 2 до 4 месяцев лишения свободы), предусмотренные Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и из учреждений». Однако острая проблема закрепления мобилизованной рабочей силы на предприятиях военной промышленности и необходимость обеспечения бесперебойного и нарастающего выпуска военной продукции потребовали ужесточения таких мер наказания. 26 декабря 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»¹. Согласно Указу, рабочие и служащие этих предприятий объявлялись на период войны мобилизованными и закреплялись здесь для постоянной работы, а за самовольный уход следовало чрезвычайно суровое наказание — от 5 до 8 лет лишения свободы. Фактически самовольный уход с предприятий военной промышленности был приравнен к дезертирству из воинской части в военное время. За прогулы и опоздания на работу на 21 минуту и более для рабочих и служащих предприятий военной промышленности были сохранены меры наказания, предусмотренные Указом от 26 июня 1940 г. (исправительно-трудовые работы по месту основной работы сроком до шести месяцев с вычетом из заработной платы до 25%).

В 1942–1944 гг. Президиум Верховного Совета СССР принял целую серию указов, распространявших действие Указа от 26 декабря 1941 г. на ряд других отраслей промышленности и даже отдельных предприятий. Вот полный перечень этих указов: о распространении Указа от 26 декабря 1941 г. на рабочих и служащих угольной промышленности (принят 11 июня 1942 г.); на рабочих и служащих нефтяной промышленности (1 июля 1942 г.); на рабочих и служащих северо-уральских бокситовых рудников Наркомцветмета (28 августа 1942 г.); на рабочих и служащих строительного треста «Магнитострой» Наркомчермета (12 сентября 1942 г.); на рабочих и служащих предприятий Наркомата текстильной

промышленности СССР (11 октября 1942 г.); на вольнонаемный состав рабочих и служащих, работающих в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР (14 ноября 1942 г.); на рабочих и служащих предприятий Главслюды Наркомцветмета (3 января 1943 г.); на предприятия Наркомбумпрома, производящие пороховую целлюлозу и коллоксилин (21 февраля 1943 г.); на рабочих и служащих Марийского комбината и фабрики «Маяк Революции» Наркомбумпрома, занятых на производстве фильтрактона (11 мая 1943 г.); на рабочих и служащих заводов синтетического каучука и шинных заводов Наркомрезинпрома (24 июля 1943 г.); на рабочих и служащих Ново-Лялинского целлюлозно-бумажного комбината Наркомбумпрома (8 сентября 1943 г.); на рабочих и служащих предприятий Главгазтоппрома при СНК СССР (28 марта 1944 г.)².

После вступления в силу Указов Президиума Верховного Совета СССР «О введении военного положения на всех железных дорогах» (15 апреля 1943 г.) и «О введении военного положения на морском и речном транспорте» (9 мая 1943 г.) самовольный уход работников транспорта с места работы приравнялся к дезертирству из армии в военное время, и они осуждались за это по п. «г» статьи 193–7 (из раздела «воинские преступления») тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР и по соответствующим статьям УК других союзных республик. Виновные в этом транспортники в зависимости от времени ненахождения на работе и наличия всякого рода смягчающих или отягчающих обстоятельств карались во время войны лишением свободы на сроки от 3 до 10 лет (после войны — обычно не более 5 лет). Статья 193–7 предусматривала и высшую меру наказания (к военнослужащим, дезертировавшим в военное время), но к работникам транспорта, совершившим самовольный ход с работы, она не применялась. Среди осужденных за самовольный уход работников транспорта преобладали ремонтные и подсобные рабочие, присланные в порядке различных трудовых мобилизаций на работу в железнодорожные депо.

Приговоры за самовольный уход с работы по Указу от 26 июня 1940 г. выносились гражданскими судебными органами, по Указу от 26 декабря 1941 г. (не всегда) и по п. «г» ст. 193–7 — военными трибуналами. Кроме мер наказания, предусмотренных ст. 193–7, военные трибуналы приговаривали работников транспорта также к увольнению с работы с направлением на фронт в штрафные роты.

¹ Правда. 1941. 27 дек.

² ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 53. Д. 39. Л. 35–36.

Таблица 2

Число осужденных за самовольный уход, прогулы и опоздания на работу на 21 минуту и более в 1941–1945 гг.*

Годы	За самовольный уход с предприятий и из учреждений				За прогулы и опоздания на работу на 21 минуту и более (по Указу от 26 июня 1940 г.)
	По Указу от 26 июня 1940 г.	По Указу от 26 декабря 1941 г.	По ст. 193–7п. «г» УК РСФСР (транспортники)	Всего осуждено за самовольный уход с работы	
1941	310967	–	–	310967	1 458 185
1942	297 126	121 090	–	418 215	1 274 644
1943	160 060	367 047	15 490	542 597	961 545
1944	167 562	275 966	35 042	478 570	893 242
1945	117 304	72 970	29 743	219 837	941 733
Всего за 1941–1945 гг.	1 053 019	836 893	80 275	1 970 186	5 529 349

* ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 54. Л. 35.

Всего, как это видно из табл. 2, в 1941–1945 гг. за самовольный уход с работы, прогулы и опоздания на 21 минуту и более было осуждено 7 499 535 человек, из них 1 970 186 — за самовольный уход (26,3%) и 5 529 349 — за прогулы и опоздания на 21 минуту и более (73,7%). У последних осуждение не было сопряжено с лишением свободы, и они обычно отбывали наказание в виде исправительно-трудовых работ сроком до шести месяцев и с вычетом из зарплаты до 25% по месту своей основной работы. Что касается осужденных за самовольный уход (а это влекло за собой лишение свободы), то реально в заключении находилось значительно меньше людей из того количества, что указано выше, так как сотни тысяч приговоров выносились условно (чтобы не направлять в тюрьмы, лагеря и колонии необходимых для данного производства работников), а также заочно (в связи с нерозыском обвиняемых).

За незначительным исключением, данное уголовное законодательство не применялось к передовикам производства, стахановцам и ударникам (с ними в случае соответствующего нарушения велась разъяснительная работа, но под суд их не отдавали). Относительной редкостью было также привлечение к уголовной ответственности кадровых рабочих и служащих, поступивших в 1920–30-е гг. на работу на данное предприятие или в учреждение в добровольном порядке. Рабочие и служащие, являвшиеся местными жителями и поэтому менее мобилизованных, прибывших из других регионов, предрасположенные к самовольному уходу (побегу) с данного места работы, занимали в общем числе привлекаемых

к уголовной ответственности значительно меньший удельный вес. Уголовное преследование за данные «преступления» — это преимущественно проблема мобилизованной рабочей силы.

Не вызывает сомнений, что во время Великой Отечественной войны наличие столь сурового трудового законодательства было необходимо и оправдано. Западногерманский историк К.— Г. Руффман отмечал, что «советскую экономику удалось в короткое время и без трудностей переориентировать на военные цели благодаря ее специфической организации и своеобразным законам о труде», и это помогло Советам «справиться с возникшими почти неразрешимыми хозяйственно-стратегическими проблемами»¹.

Обращаем внимание, что в интерпретации К.— Г. Руффмана наличие советских «своеобразных законов о труде» входит в число факторов, помешавших Германии одержать победу в войне против СССР.

Статистика уголовного преследования за самовольный уход, прогулы и опоздания на работу на 21 минуту и более выглядит весьма внушительной, но всё же с течением времени она имела тенденцию к снижению: в 1941 г.— 1 769 152 осужденных, в 1942 г.— 1 692 859, в 1943 г.— 1 504 142, в 1944 г.— 1 371 812, в 1945 г.— 1 161 570 (эта статистика включает в себя все соответствующие приговоры, в том числе условные и заочные). В процентах по годам это выглядело так: 1941 г.— 23,6%, 1942 г.— 22,6, 1943 г.— 20,0, 1944 г.— 16,2 и 1945 г.— 15,5%.

¹ Ruffmann K.— H. Sowjetrussland. 1917–1977. München, 1977. S. 118–120.

Если взять за 100% общее количество осужденных в 1941–1945 гг. за самовольный уход с работы, то на 1941 г. приходится 15,8%, 1942 г.— 21,2%, 1943–27,5, 1944–24,3 и на 1945 г.— 11,2%. По Указу от 26 июня 1940 г. в течение 1941–1945 гг. было осуждено 53,4% от общего числа лиц, которым выносились приговоры за самовольный уход (побег, дезертирство) с установленного места работы, по Указу от 26 декабря 1941 г.— 42,5% и по п. «г» ст. 193–7–4,1%. Однако по годам наблюдались существенные отклонения от этих средних показателей. В 1941 г. действовал только один Указ от 26 июня 1940 г., и поэтому все 100% осужденных за самовольный уход с работы подпали под действие именно этого Указа. В 1942 г. 71% осужденных данной категории получили соответствующие приговоры по Указу от 26 июня 1940 г. и 29% — по Указу от 26 декабря 1941 г. Среди осужденных в 1943 г. уже преобладали подпавшие под действие Указа от 26 декабря 1941 г. (67,6%), а остальные были осуждены по Указу от 26 июня 1940 г. (29,5%) и по п. «г» ст. 193–7 (2,9%). Осужденные в 1944 г. за самовольный уход с работы распределялись так: по Указу от 26 июня 1940 г.— 35,0%, по Указу от 26 декабря 1941 г.— 57,7%, по п. «г» ст. 193–7–7,3%; в 1945 г.— соответственно 53,3, 33,2 и 13,5%.

Если же взять за 100% общее число осужденных в 1941–1945 гг. за прогулы и опоздания на работу на 21 минуту и более, то по годам их удельный вес был представлен следующим образом: 1941 г.— 26,4%, 1942 г.— 23,0, 1943 г.— 17,4, 1944 г.— 16,2 и 1945 г.— 17,0%.

На осужденных за самовольный уход, прогулы и опоздания на работу на 21 минуту и более распространялось действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией». В соответствии с этим Указом, полный текст которого был тогда же опубликован в печати¹, все эти лица подлежали досрочному освобождению по амнистии. По данным на 1 октября 1945 г., в числе 620 753 амнистированных заключенных лагерей и колоний ГУЛАГа было 232 330 осужденных за самовольный уход с работы, в том числе 221 719 осужденных по Указу от 26 декабря 1941 г., 7388 — по Указу от 26 июня 1940 г. и 3223 учащихся ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО, осужденных по Указу от 28 декабря 1940 г. за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища или школы ФЗО. В Указе от 7 июля 1945 г. была также упомянута статья 193–7, и все находившиеся тогда в заключении работники транспорта,

осужденные за самовольный уход с работы по этой статье, были досрочно освобождены по амнистии. Кроме того, по этой амнистии были освобождены все отбывавшие тогда наказание в виде исправительно-трудовых работ без лишения свободы приговоренные к таким работам по Указу от 26 июня 1940 г. за прогулы и опоздания на работу на 21 минуту и более (451 548 чел.), по Указу от 13 февраля 1942 г. за уклонение от мобилизации для работы на производстве и в строительстве (17 062 чел.), по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13 апреля 1942 г. за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы и самовольный уход мобилизованных с этих работ (6140 чел.)². Обращаем внимание на тот факт, что ни одному человеку из числа осужденных по Указу от 26 декабря 1941 г. за самовольный уход с работы на сроки от 5 до 8 лет не довелось отбыть в заключении даже минимальный 5-летний срок (все они были освобождены досрочно).

В заключение необходимо сказать о послевоенной ситуации с уголовной ответственностью рабочих и служащих за самовольный уход, прогулы и опоздания на работу на 21 минуту и более. После войны это законодательство продолжало действовать, хотя из года в год наблюдалась заметная либерализация в практике его применения. На основании специального постановления Совета Министров СССР от 7 марта 1947 г. применение Указа от 26 декабря 1941 г. было прекращено в целом ряде отраслей промышленности и на всех предприятиях и стройках Москвы и Ленинграда (самовольный уход стал квалифицироваться не по Указу от 26 декабря 1941 г., а по Указу от 26 июня 1940 г., т.е. виновные стали получать не 5–8 лет, а 2–4 месяца). Окончательно Указ от 26 декабря 1941 г. был отменен 31 мая 1948 г. принятым в этот день Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»»³. Военное положение на железнодорожном и водном транспорте было отменено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1948 г., и с этого времени работники транспорта стали отвечать за самовольный уход по Указу от 26 июня 1940 г., а не по п. «г» ст. 193–7 УК РСФСР.

14 июля 1951 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об освобождении от наказания и о снятии судимости с рабочих и служащих,

² ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1246. Л. 205–211.

³ Там же. Ф. 7523. Оп. 53. Д. 39. Л. 35–36.

¹ Правда. 1945. 8 июля.

осужденных за самовольный уход с предприятий и учреждений и за прогулы без уважительных причин». Отныне все лица, осуждавшиеся в 1940–1951 гг. по этим обвинениям (а это миллионы людей), переходили из категории «ранее судимых» в категорию «ранее не судимых». Кроме того, в тот же день, 14 июля 1951 г., Президиум Верховного Совета СССР принял еще один Указ — «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия», резко сузивший круг привлекаемых к уголовной ответственности за прогул и опоздания на работу на 21 минуту и более. Однако положения

Указа от 26 июня 1940 г. относительно самовольного ухода с работы тогда (в 1951–1955 гг.) еще оставались действующими.

Указ от 26 июня 1940 г. был признан утратившим силу по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1956 г. «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины»¹. Только после этого уголовное преследование рабочих и служащих за самовольный уход, прогулы и опоздания на работу на 21 минуту и более, вызванное чрезвычайными обстоятельствами довоенного, военного и послевоенного времени, окончательно прекратило свое существование.

Библиография

1. Тельпуховский В. Б. Обеспечение промышленности рабочими кадрами в первый период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1958. № 11. С. 35.
2. Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1970. С. 110–111.
3. ИСРК. Т. 3.
4. Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971.
5. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.
6. ВЛКСМ в цифрах и фактах. М., 1949.
7. Война и общество. 1941–1945. М., 2004. Кн. 2.
8. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Отечественной войны. 22 июня 1941 г.— 5 января 1944 г. М., 1944. С. 8–12;
9. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3.
10. Сенявский С. Л., Тельпуховский В. Б. Рабочий класс СССР. 1938–1965 гг. М., 1971. С. 101–103, 111–114.
11. Собрание Постановлений Правительства СССР. 1942. № 4. Ст. 60.
12. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963.
13. В труде, как в бою: Из истории комсомольско-молодежных бригад в годы Великой Отечественной войны. М., 1961. С. 52–57.
14. Ruffmann K.— H. Sowjetrussland. 1917–1977. München, 1977. S. 118–120.
15. Д. П. Савченко Роль А. Н. Косыгина в выполнении государственных задач по укреплению обороноспособности СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Политика и общество.— 2011.— 11.— С. 102–112.
16. Е. А. Воронцова Мобилизация российской промышленности в годы Первой мировой войны по материалам «Известий Центрального военно-промышленного комитета» // Исторический журнал: научные исследования.— 2013.— 1.— С. 94–103. DOI: 10.7256/2222–1972.2013.01.10.

References (transliterated)

1. Tel'pukhovskii V. B. Obespechenie promyshlennosti rabochimi kadrami v pervyi period Velikoi Otechestvennoi voiny // Voprosy istorii. 1958. № 11. S. 35.
2. Kravchenko G. S. Ekonomika SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945 gg. M., 1970. S. 110–111.
3. ISRK. T. 3.
4. Mitrofanova A. V. Rabochii klass SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. M., 1971.
5. Voznesenskii N. A. Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoi voiny. M., 1948.
6. VLKSM v tsifrakh i faktakh. M., 1949.

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 10. Ст. 203.

Международные отношения International Relations

7. Voina i obshchestvo. 1941–1945. M., 2004. Kn. 2.
8. Sbornik dokumentov i materialov po voprosam truda v period Otechestvennoi voiny. 22 iyunya 1941 g.— 5 yanvarya 1944 g. M., 1944. S. 8–12;
9. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam. M., 1968. T. 3.
10. Senyavskii S. L., Tel'pukhovskii V. B. Rabochii klass SSSR. 1938–1965 gg. M., 1971. S. 101–103, 111–114.
11. Sobranie Postanovlenii Pravitel'stva SSSR. 1942. № 4. St. 60.
12. Arutyunyan Yu.V. Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. M., 1963.
13. V trude, kak v boyu: Iz istorii komsomol'sko-molodezhnykh brigad v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. M., 1961. S. 52–57.
14. Ruffmann K.— H. Sowjetrussland. 1917–1977. München, 1977. S. 118–120.
15. D. P. Savchenko Rol» A. N. Kosygina v vypolnenii gosudarstvennykh zadach po ukrepleniyu oboronosposobnosti SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) // Politika i obshchestvo.— 2011.— 11.— С. 102–112.
16. E. A. Vorontsova Mobilizatsiya rossiiskoi romyshlennosti v gody Pervoi mirovoi voiny po materialam «Izvestii Tsentral'nogo voenno-promyshlennogo komiteta» // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya.— 2013.— 1.— С. 94–103. DOI: 10.7256/2222–1972.2013.01.10.